

КРЫМ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ (П.БОБРОВСКИЙ, В. ОБОЛЕНСКИЙ)

Актуальность исследования. В произведениях Р.Б. Гуля, П.Н. Врангеля, А.П. Богаевского, И.К. Волегова, С.Ц. Добровольского, архиепископа Василия (Кривошеина), В. Леонтовича, В.В. Марушевского, Я.А. Слащова-Крымского, П.Н. Краснова, А.В. Туркула и других авторов эмиграции [1] с разной степенью документальности и субъективности прослеживается желание сохранить лично и социально значимые события конкретного исторического периода. Возможно, поэтому в литературоведческих трудах, посвященных творчеству изгнанников, большое внимание уделяется, в первую очередь, фактической составляющей автобиографической прозы. Мотивы памяти, родины, ответственности за произошедшее актуализируются в литературном наследии эмиграции. **Цель** данной статьи – проследить специфику изображения крымских реалий в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции, в частности, политиков и военных. Изучение страниц воспоминаний военных и политиков, посвященных гражданской войне и опубликованных в разное время на страницах журнала «Крымский архив», позволит избежать тенденциозности и поиска фактических совпадений – несовпадений, проследить скрытую полемику в раскрытии социально-исторического дискурса.

В пограничных, исключительных обстоятельствах нарраторами придаётся большое значение внешним приметам ретро-картин. Вот почему многие из эмигрантов часто обращались к крымским реалиям. При этом необходимо учитывать, что исторически крымский компонент был скорее частью российского контекста. Крымские реалии для культурной картины эмигрантов очень важны: это не провинция, а рубежный и поликультурный регион, который в силу специфики гражданской войны оказался достаточно значимым для историко-политического опыта личности. Именно в Крыму будущие эмигранты впервые ощутили свое «инобытие», тоску и отчаяние, близость «внутренней» эмиграции. Авторский персонаж в изменившихся условиях изображается как игрушка судьбы (Н. Тэффи, В. Оболенский), свидетель (В. Набоков, И. Шмелев), эмоциональный банкрот (Н. Туроверов, И. Савин). В Крыму они отчаянно искали приметы той, прежней жизни, которой уже не было в столице.

Постановка проблемы. Не воспринимая территорию Украины как нечто отдельное от России, русские беженцы достаточно часто изображают пребывание в Крыму как тот последний этап, после которого наступила эмиграция: «Я стоял на корме и прощался с родными берегами. Берега под Севастополем низкие, и скрылись они из глаз довольно скоро. Кругом было

безбрежное море. Мы окончательно уехали из России...» [2, с. 116] (П.С. Бобровский), «... корабли Императорского Черноморского флота покидали Севастополь, уходя в неизвестность» (В.И. Рыкова) [3, с. 1], «Крым исчезал в вечернем мареве. Мы покинули Россию навсегда» (С.И. Мамонтов) [4, с. 245]. Изгнание объединяло, стирало столь важные социальные и политические различия, расставляло этические приоритеты.

Разнородные по своему составу очаги белого сопротивления продолжали основываться на монархических идеалах и разном понимании долга. Но дом, который покидали изгнанники, оставался в личной памяти у каждого. Эта память была максимально пристрастной и правдивой одновременно. Эмигранты старались не просто воспроизводить увиденное, а фиксировать малейшие изменения в социуме и психике человека в условиях слома не только власти, но и самих основ мировоззрения.

Отметим, что вопросы бытия и быта интерферируются в личной судьбе каждого художника индивидуально, однако именно в осмыслении исторических событий авторы воспоминаний стремятся к типизации. Потеряв в «вихре событий» 1917-1919 гг. персональную власть, стабильное положение, обеспеченность, они в основном воплотили в своем творчестве мироощущение типовой единицы исторического процесса, отразили массовые тенденции эмигрантской психологии.

Следует подчеркнуть, что среди авторов мемороцентристкой прозы были и те, кто непосредственно влиял на ход событий, возглавлял, условно говоря, «движущие силы истории». В пограничных условиях выживания – физического и культурного – они стремились предложить свой путь отбора и оценки исторического материала, воссоздать фон и главных действующих лиц эпохи.

Анализ последних исследований. Литературное наследие эмигрантов становилось предметом неоднократного изучения в работах В.П. Казарина [5], И.М. Богоявленской [6], Е. К. Беспаловой [7], Д.А. Синицы [8], А.В. Ишина [9], В.Н. Петрова [10], С.Б. Филимонова [11] и др. Представитель «казачьего зарубежья» В.Г. Улитин отмечал, что «память есть начало динамическое и что сама наша культура есть не что иное, как живая память о достигнутом нашими предками.» [12, с. 162]. В то же время предметом литературоведческого анализа воспоминания В. Оболенского, П. Бобровского, И. Савина становятся впервые, что обусловило **новизну** данной публикации.

Можно утверждать, что в своих оценках политики и военные далеки от ностальгической идеализации. Они не морализаторствуют, не навязывают свое мнение как единственно правильное, однако опыт человека и офицера проявляется довольно часто в критической оценке того или иного поступка командования или факта биографии. В каждом малом событии, в той или иной детали они видят не знак (как В. Набоков), а, скорее, первопричину будущего. Элементами общей мировоззренческой основы данного уровня

являются верность патриархальным устоям, обыденная вера, четкий кодекс чести и главное – твердая убежденность в своей правоте.

Возможно, сложность и ответственность положения государственного или политического деятеля требовали подобных оснований, которые в процессе вспоминания конкретной ситуации проявлялись с новой силой в условиях эмиграции.

Рассказ о гражданской войне, о смене власти носит эмоциональный характер (например, у В.А. Оболенского: «два с половиной года... я чувствовал себя как врач у постели агонизирующего больного» [13, с. 79]), выраженный в оценочных эпитетах или нарративе от первого лица во множественном числе: «мы заседали...», «мы интуитивно почувствовали...», «на нас, однако, нашествий не производили» [13, с. 71]. Такое переплетение двух уровней наррации – документального и эмоционального – прослеживается практически в каждом автобиографическом произведении военного или политика. Петр Семенович Бобровский, юрист и политик (1880-1947), подчеркивает, что он был, как автомат: «Мы сразу попали в ту неразбериху, в то господство случая...» [2, с.107].

Выбор эпизодов социально-политической обстановки 1910-1920-х годов, представленных в автобиографической прозе эмиграции, – субъективный и разноректорный.

Концепт «дома», столь часто встречающийся в мемуаристике, приобретает значение «временное жилище, убежище». В этом контексте уместно говорить о «внутренней эмиграции», причем у художественной интеллигенции она обычно предшествует внешней, а у военных и политиков – следует за ней. Вот как пишет о своем бегстве П.С. Бобровский: «Помню, меня особенно поразило полнейшее спокойствие наших спутников <...> Но то страшное, что произошло, как будто никого не волновало. Военные <...> были люди, давно потерявшие оседлость, попавшие в Крым как беженцы» [2, с.109].

Изображая типичные реакции людей своего круга на то или иное историческое событие, П. Бобровский, В. Оболенский, И. Савин и другие обращаются и к публицистике, и к исторической прозе, и к документалистике. В отличие от свободного использования фактического материала, характерного для писателей-мемуаристов, авторы-военные настаивают на ориентации на достоверность и всестороннее исследование вопроса. Они сочетают реальный топоним с точной датой. Хронотопизация оказывается значимой и для читателя-эмигранта.

Военные-эмигранты предлагают новую стратегию подачи материала: в центре наррации как равновеликие стоят история и личность. Нельзя сказать, что культура для них – отсутствующий элемент на историко-социальном уровне (практически каждый из мемуаристов отмечает свои литературные или театральные пристрастия, демонстрирует определенную эрудицию, уделяет внимание своим первым литературным или журналистским опытам). Однако само время делает ее периферийной, выдвигая на первый план

нематериальную сторону культуры, понятия этики и морали, что составляет одну из характерных черт данного направления рассматриваемого жанра. Культура на уровне отдельной личности проявляется как образованность, воспитанность, нравственность политика, офицера, интеллигента.

Несмотря на то, что мемуарное повествование обычно строится по классическому, линейному принципу, постоянное «забегание вперед», обилие лирических отступлений типа «Невольно приходит в голову мысль: как сложились бы обстоятельства, если бы я тогда...», «забегу вперед...» придает ему цикличность. Формально произведения политиков-профессионалов обычно представляют собой скорее развернутый конспект определенного жизненного отрезка, строящийся по схеме: положение – его доказательство – вывод. Факт стремления к воссозданию в памяти какого-то особого, ярко индивидуального мира даёт основание говорить о реинтеграции реализма в автобиографической прозе русского офицерства.

Во вступительной статье к воспоминаниям В.А. Оболенского «Крым в 1917-1920-е годы» исследователь В.В. Лавров отмечал, что эти мемуары отличаются от других: «Перед нами, скорее всего, – социальная хроника, которая определяется следующими особенностями: хронологически последовательное изложение событий; в центре повествования динамика самой крымской жизни в послереволюционные годы; автор воспоминаний, конечно же, пишет о людях – реальных участниках крымской трагедии.» [14, с. 58-59]. Именно такой подход характерен для военно-политических мемуаров.

Добавим, что в указанном произведении содержится не бесстрастная констатация фактов, а, скорее, латентная оценка происходящего, выраженная в эмоциональной личности нарратора, в том тенденциозном подборе событий, который становится особенно заметен в сравнении с другим мемороцентристским автобиографическим произведением – «Солнцем мертвых» И. Шмелева. С определением «хроника» полемизирует сам В. Оболенский уже в предисловии к своим воспоминаниям: «Я лишен возможности излагать сколько-нибудь связно историю Крыма в период революции, имея под руками мало документов, и лишь несколько десятков номеров местных газет. Почти все приходится восстанавливать по памяти, в которой свет и тьма чередуются часто независимо от значительности запечатлевшихся в ней событий. И поневоле мой рассказ будет обрывочен, составляясь из не всегда связанных между собой картин пережитого, на который по тем или другим случайным обстоятельствам бросает свет немолодая уже, но все же, надеюсь, правдивая память» [13, с. 59]. Такое двойное контактное упоминание о памяти позволяет уделить более пристальное внимание личности нарратора как точки отсчета в оценке изображаемого.

В. Оболенский называет себя «ощутившим тернии революции», эмоционально оценивает происходящее. Одной из его характерных черт

можно считать ироническое отношение к происходящему («боролся» с большевиками в Городской Думе, то есть заседал на длинных и тягучих ее заседаниях» [13, с. 63]), которое выражается в едкой оценке происходящего. Ему, как и другим мемуаристам-политикам, свойственно «забегать вперед»: «Я выехал из Петербурга, не представляя себе, что не увижу этого города...» [13, с. 63]. Героя В. Оболенского отличают здравый смысл, умение концентрироваться в пограничной ситуации, склонность к полемике и умение протягивать аллюзивные нити («наше робинзоновское существование» [13, с. 73]) к пережитому, прочитанному, что свидетельствует о его большой внутренней культуре.

Подчеркнем то обстоятельство, что нарратор видит первый признак революции и анархии в разрушении языка: солдаты, оглушенные хмелем революции, кричали, спорили, говорили бессвязные речи, «полные непонятных для них слов, в которые они вливали Бог весть какое понятное им содержание» [13, с. 64]. Автор воспоминаний отмечает также причудливую смесь вычурных иностранных слов с русской отборной матерной бранью. В. Оболенский прибегает к обобщениям, к публицистическим приемам, отмечает пагубное влияние революции прежде всего на культуру общества: «Происходила не политическая и еще менее социальная революция, а революция психологическая – великая, страшная и, раз начавшаяся, фатально шествующая до конца» [13, с. 64]. Для него на первый план выходят те же проблемы, что и для большинства офицеров и политиков, попавших в водоворот смены режимов (например, у Оболенского: «Их у меня два. Да, не смейтесь, два правительства!» [13, с. 80]): как сохранить честь, культуру (ведь ему, кадету и земцу, приходилось тайно торговать собственным вином), что противопоставить тому темному началу, которое поднялось с самого дна жизни. Автор, подобно многим мемуаристам-политикам или военным, создает исчерпывающую психологическую характеристику героев несколькими штрихами.

Нельзя не отметить и такую знаменательную черту, как любовное и трепетное отношение к крымской природе, которая противопоставлена у В. Оболенского низменным человеческим страстям: «Темные кипарисы мудро качали вершинами, едва колеблемыми легким ветерком, и под их солидной охраной винтовка за моим плечом казалась такой ненужной....» [13, с. 72]. В этом лирическом отступлении прочитывается некоторая сентиментальность, присущая политикам и государственным деятелям как своеобразное проявление ностальгии. В то же время природа оказывается вовлечена в антиномию «дом» – «анти-дом». В воспоминаниях В. Оболенского в начале каждой главы, описывающей политическую ситуацию в Крыму, представлена историческая справка или изустная версия того, что было характерным для данного хронологического отрезка. Эти замечания эмоционально окрашены и содержат авторский комментарий, подчёркивающий их несвоевременность или абсурдность, дающий психологическую оценку происходящего: «Все было бессмысленно, нелепо,

противоречиво... Но я сознавал, что ощущение гражданской скорби и национального позора не могут во мне заглушить физиологического шкурного чувства радости от миновавшей меня и близких мне людей жизненной опасности...» [13, с. 76]. В этом отрывке проявляется еще одна особенность подачи политических событий: предельная, не всегда лицеприятная откровенность в разговоре с читателем, возможно, участником или современником событий, о которых идет речь в произведении.

Выводы. Творческий и душевный отклик каждого художника на историческую трагедию был сопряжен с ностальгией, болью, обидой за пережитое, поэтому мы можем говорить о преобразующей, трансформирующей роли памяти в эмигрантском дискурсе. Ретрокартины Крыма в анализируемых нами произведениях относятся к той эпохе, когда сами авторы были другими: каждый на что-то надеялся, во что-то страстно верил. Мотивы памяти, родины, ответственности за произошедшее, которые актуализируются в крымском контексте, заставляют рассмотреть личностную составляющую наррации более пристально. Персоналистский подход на этом уровне, на наш взгляд, достаточно перспективен, т.к. позволит избежать тенденциозности, проследить скрытую полемичность в раскрытии социально-исторического дискурса.

Литература

1. Мемуары и воспоминания деятелей «белого движения» - Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/gul_rb/01.html. - 10.12.10 г. – (проверено 22.02.11 г.)
2. Бобровский, П.С. Крымская эвакуация / П.С. Бобровский// Крымский Архив. – 2002. – № 8. – С. 103-153.
3. Колесникова, Т. «Живая эпоха». Удивительные люди среди нас / Т. Колесникова // Литературная газета. Крым – Севастополь. – 27 ноября – 10 декабря 2009. - № 22 (51).– С. 1.
4. Мамонтов, С.И. Крым. Воспоминания / С.И. Мамонтов // Крымский Архив. – 2002. - № 8. - С. 191-245.
5. Казарин, В.П. Белые и красные – трагически схлестнувшиеся в смертельном противостоянии патриоты единого отечества / В. П. Казарин. – Крымский Архив. - № 10. – 2007. – С. 6-12.
6. Богоявленская, И.М. Тема смерти и воскресения в эпосе И.С. Шмелева «Солнце мертвых» / И.М. Богоявленская // Филол. студии. – 2001. – № 3. – С. 180 – 183.
7. Беспалова, О.К. Кримський макроміф у житті та творчості В.В.Набокова: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.01.02 / О.К. Беспалова; [ТНУ ім. В. І. Вернадського]. – Сімф., 2006. – 20 с. – укр.
8. Сеница, Д.А. Художественно-публицистические жанры в литературе русского зарубежья (наследие И.А. Ильина)[Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Сеница. – Симф., 2005. - 218 стр.

9. Ишин, А.В. Неизвестные страницы гражданской войны в Крыму : год 1921-й / А.В. Ишин // Крымский Архив. – 2002. – № 8. – С. 11 – 25.
10. Петров, В.Н. Печать врангелевского Крыма: по мемуарным материалам / В. Н. Петров // Вісник Ун-ту внутр. справ. – 1999. – Вип. 7, ч. 1. – С. 97 - 105. – Бібліогр. в кінці ст.
11. Филимонов, С.Б. К истории религиозно-философских обществ в Крыму в годы Гражданской войны : новые материалы о С.Н. Булгакове / С.Б. Филимонов // Крымский архив. – 2002. – № 8. – С. 52-64.
12. В поисках утраченного единства: сб. статей/ Отв. ред. В.П. Казарин. – Симферополь : Крымский Архив, 2005. – 330 с.
13. Оболенский, В.А. Крым в 1917 – 1920-е годы / В.А. Оболенский // Крым. архив. – 1994. – № 1. – С. 59-86.
14. Лавров, В.В. «Кто передаст потомкам нашу повесть?..»: В.А. Оболенский и его воспоминания «Крым в 1917 – 1920-е годы» / В.В. Лавров // Крымский архив. – 1994. – № 1. – С. 58-59.

Анотація

У статті проаналізована тема Криму у творчості В. Оболенського, П. Бобровського, С.Мамонтова та ін. військових (в історико-літературному контексті). Робота підкреслює важливість авторської індивідуальності у відтворенні епохи громадянської війни на Україні та в Криму. Автобіографізм творів, які вивчаються у статті, дає можливість розглядати цю тему на тлі загальнолюдських питань.

Ключові слова: Крим, В. Оболенський, П. Бобровський, емігрантська література, громадянська війна.

Аннотация

В статье проанализирована тема Крыма в творчестве В. А. Оболенского, П.С. Бобровского и др. военных и политиков (в историко-литературном контексте). Работа подчеркивает значение авторской индивидуальности в воссоздании эпохи гражданской войны в Украине и в Крыму. Автобиографизм произведений, которые рассматриваются в статье, дает возможность рассматривать обозначенную тему на фоне общечеловеческих проблем.

Ключевые слова: Крым, В. А. Оболенский, П.С. Бобровский, С.А. Мамонтов, гражданская война, литература эмиграции.

Summary

The given article is examining the Crimean theme in Russian literature of V. Obolenskiy, P. Bobrovskiy and other officers in wide historically-literary context. This work fixes the role of author's individuality in reconstruction the general characters of Ukraine and Crimea during the epoch of the Civil War.

Key words: Crimean theme, V. Obolenskiy, P. Bobrovskiy, Russian émigré literature, the Civil War.

